Ценовое регулирование и будущий парламент

Автор материала — Алексей Фирсов

Читать на Ipad

«Единая Россия» в роли партии рыночного компромисса

Должно ли государство вмешиваться в ценовое регулирование и вопросы рынка? Если да, где рациональный предел для этого вмешательства? Кто определяет компромисс между общественным запросом и рыночным принципом, может ли парламент стать таким институтом? Особенно рельефно эти вопросы проступают в период избирательной кампании, когда социальная риторика обостряется.

В последнее время тема роста цен на различные товары — от продовольствия до металлопроката — озвучивалась представителями государства много раз. Владимиру Путину, в свою очередь, приходилось искать баланс между «правым» и «левым» флангом дискуссии. Так он поддержал точечное регулирование продуктового рынка, но выступил против реставрации советской модели фиксации цен на продовольствие («получим дефицит продуктов»).

В промышленном секторе также возникла острейшая полемика с предпринимателями, которую начал вице-премьер Андрей Белоусов, обвинив металлургов в «нахлобучивании» государства за счет роста цен на прокат, а ритейлеров — в жадности. Здесь Путин снова выступил в роли балансира, попросив бизнес не обижаться на эту стилистику.

Социологические замеры показывают, что единодушия в обществе по вопросам экономической политики нет. Население примерно в равных долях считает, что вмешательство государства в рынок следует ограничивать и что административное воздействие, напротив, должно возрастать. Разность позиций определяется возрастом респондентов, их социальным статусом, местом

проживания и рядом других факторов.

Одного президента для поиска компромиссов недостаточно. По мере того, как эти вопросы выходят на уровень законодательного процесса, основная нагрузка смещается к «партию центра» — «Единой России». Идея партии-платформы, партии-представительства различных групп, отсекающей крайние позиции, еще недостаточно осмыслена обществом. Но она наиболее востребована в ситуации растущей фрагментации социального слоя.

Другие системные партии — КПРФ, «Справедливая Россия» — смотрят на регулирование гораздо жестче. Так, коммунисты потребовали зафиксировать цены на продукты питания, как это было во времена СССР. За счет «левого перекоса» ЕР оказалась наиболее либеральным игроком в парламенте. Фактически партия берет на себя роль недостающего «правого крыла», которое в новой Думе вряд ли обеспечат «Новые люди», судя по медленному росту их электоральной динамики. Этим обстоятельством объясняется достаточно высокой рейтинг ЕР в предпринимательской среде — **32% по данным социологической компании «Платформа»**.

Однако и сама «партия власти» неоднородна. В ней есть лидеры, которые тяготеют к социальному крылу и к либерально-рыночному. Если, к примеру, сопоставить позиции Ирины Яровой (зампред ГД РФ) и Андрея Макарова (председатель комитета по бюджету и налогам), мы услышим довольно разные подходы к роли государства в экономике.

Это обстоятельство делает важным **большее внимание представителей деловой среды не просто к партийным брендам, а к их наполнению конкретными кандидатами** — особенно в будущем парламенте. Бизнесу нужно смотреть на Думу очень прагматично — как на место встречи различных позиций, во время которой предприниматели получат свое окно возможностей — если сами начнут формулировать свою позицию.